

Д. В. ФИЛАТЬЕВ

<«...Колчак умел ставить себе политические цели, но лишен был чувства осязания политических возможностей данной минуты...»>

Как человек, адмирал Колчак, несомненно, заслужил в полной мере наименование рыцаря без страха и упрека, никогда и ничего лично для себя не искавшего и отдавшего всего себя на служение родине. Думая о Колчаке и о его неожиданном и очень быстром выдвижении во время войны, мне как-то невольно вспоминается Кондратенко — герой Порт-Артура — и напрашивается сравнение Колчака с ним.

Оба одинаково скромные, одинаково до войны никому неизвестные, оправдали пословицу, что война родит героев, хотя нынешние войны с их пустыми полями сражений, казалось бы, не дают простора для проявления личного героизма старшим начальником. Перед зарывшимися, как кроты, в землю войсками и при неизбежности руководства боем по телефону, стало неосуществимым появление на белом коне Наполеонов, Суворовых, Скобелевых, что прежде всего и создавало популярность полководцу. Разумеется, ни Кондратенко, ни Колчак не появлялись на белом коне перед войсками, и все же именно им довелось сделаться героями войны.

Кто знал Кондратенко до Порт-Артура? Никто. Большой и очень чуткий человек того времени, М. К. Драгомиров, посвящая статью смерти Кондратенко, начал ее так: «Прошел ты мимо меня, и я тебя не заметил». Вот так же точно не заметил бы никто и Колчака, не случись обороны Балтийского и Черного морей в последнюю войну, когда он из скромного штабного офицера вдруг выдвинулся на первые роли своей необычайной энергией, исключительным знанием дела и смелыми до дерзости решениями. Что особенно его отличало — это отсутствие шаблонности. Вспомним, как было эффектно и по-военному удачно его вступление в командование Черноморским флотом. Все ожидали от него обычных смотров, объезда судов, подбадривающих приказов и традиционных визитов на берегу. Вместо этого, он прямо

из купе вагона сел на судно и вывел флот в море для исполнения боевой задачи. Прием не надуманный в кабинете; с ним надо родиться и в нужную минуту он сам собою должен вылиться из души. Это талант от Господа Бога.

Вот так же точно когда-то, в 1805 году, старый морской волк Нельсон, когда весь его флот напряженно ждал сигнала для начатия Трафальгарского боя, вдруг поднял самый мирный сигнал — «адмирал показывает полдень», т. е. проверьте ваши часы. Пустяк, скажут профаны, кому был нужен этот полдень, для многих последний, ибо следующий их ждал уже на том свете. Нет, не пустяк, а эпическое спокойствие и магическое воздействие на души подчиненных; его надо не только носить в себе, но еще уметь в минуту необходимости передать другим. Нельсон этим умением владел в совершенстве, почему, начав с показания полудня, он вслед затем поднял величественный в своей простоте сигнал для боя: «Старая Англия ожидает, что каждый из ее сынов исполнит свой долг». Сам Нельсон исполнил его до конца: он разбил наголову французов, а следующий полдень встретил там, откуда никто не приходит.

Ну, а разве не величествен был жест Колчака, когда он выбросил в море свое георгиевское оружие, которое взбунтовавшаяся матросня хотела у него отобрать. «Не от вас я его получил, не вам и отдам», — сказал адмирал, не думая, что за этим жестом мог легко наступить и его черед быть выброшенным за борт. Если этого не случилось, то только потому, что величие духа действует, очевидно, даже на взбунтовавшихся рабов. С такой же твердостью, с таким же мужеством встретил он смерть в Иркутске, завершив этим моментом конец крестного пути, который выпал на его долю помимо его желания 18-го ноября 1918 года, когда он принял на себя предложенные ему бразды правления...

Преклоняясь перед рыцарским образом адмирала Колчака, я отнюдь не собираюсь его канонизировать и находить бесспорным все, что он делал как Верховный правитель.

Мне придется в порядке изложения указать на многие его промахи и особенно на одну его колоссальной важности ошибку, из-за которой, быть может, погибло Сибирское дело и Россия не обрела своего спасения через Сибирь. Но и при этом я никогда не упущу из виду, что не вина Колчака, если он — выдающийся моряк — оказался совсем не сведущим в военно-сухопутном деле и вынужден был слушать советы других, которые оказались не на высоте задачи. Не его также вина, что на его плечи свалилось огромное дело, требовавшее большого и всестороннего опыта по гражданскому управлению, какового опыта у него быть не могло и не оказалось у его помощников, которые уже стояли у власти до него. Он не искал власти, она сама к нему пришла

вследствие ореола, которым было окружено его имя задолго до того, что он случайно оказался в Омске в момент избрания диктатора. Трагедия Колчака, а вместе с тем и трагедия России, явилась результатом чрезвычайно сложной и запутанной обстановки и совокупности самых разнородных сил, тянувших общее дело в разные стороны. Вполне вероятно, что такой всеобъемлющий гений, как Наполеон, сумел бы выйти с честью и из таких обстоятельств, но ведь Наполеоны не появляются и раз в тысячелетие, Колчак им не был, а обстановка, в которой ему пришлось действовать, оказалась во сто крат сложнее, чем та, с которой столкнулся Наполеон в начале его головокружительной карьеры. Одновременно с Колчаком на юге России действовал сухопутный генерал Деникин, в полной мере искушенный в ратном деле и окруженный плеядой старых опытных генералов и сливок государственных и общественных деятелей. Но и он не преуспел. Значит, были какие-то общие неумолимые причины нашего неуспеха на всех фронтах Белой борьбы. Это обстоятельство должно быть учитываемо при оценке деятельности адмирала Колчака. <...>

Мы не знаем и за преждевременную смертью Колчака никогда не узнаем, как рисовалось ему выполнение всех этих задач, и приходило ли ему в голову, что одновременное разрешение их трудноосуществимо. По-видимому, нет, и он пошел по тому же пути, что и Директория, т.е. не упростил аппарата управления и не прибег к помощи самого населения для того, чтобы узнать точно его нужды, желания, возможность их осуществления и сохранения тех способов самоуправления, которое крестьяне установили у себя за отсутствием суда и полиции. У Колчака все ставилось на великодержавный манер, не сообразуясь со средствами и возможностями, почему до населения результаты управления в их положительном значении не доходили, а отрицательные, как реквизиции, мобилизации, налоги, чувствовались очень сильно...

Надо, впрочем, по справедливости сказать, что и сам адмирал Колчак, малоэластичный и слишком твердо державшийся идеи великодержавности России, в сношениях с иностранцами шел неизменно по линии наибольшего сопротивления. В результате столь необходимое Сибирскому правительству признание его всероссийскою властью не последовало, что лишило Россию возможности участвовать в заключении Версальского договора и не позволило заключить налаживавшийся американский заем. Но, не обманывая иллюзиями за прошлое, надо прямо признать, что ни то, ни другое, т.е. признание и заем, не изменили бы конечный результат Сибирской Белой борьбы. Не в иностранцах, а в нас самих лежали причины неуспеха. <...>

На горе, идеалист и верный в своих привязанностях, Колчак, кому поверил, то верил неизменно до конца. Так поверил он и Лебедеву

и верил до тех пор, пока тот не привел армию к гибели. Я не знал и никогда не видал Лебедева и своего суждения о нем иметь не могу. Барон Будберг, которому я верю во всем до последнего слова, так как отлично знал его еще в мирное время, называет Лебедева бездарной и безграмотной выскочкой с огромным апломбом, самоуверенностью и отлично подвешенным языком. То же самое слышал я в Сибири и от других генералов старой школы. По общим отзывам, не кто другой, как Лебедев в компании с Сахаровым и Ивановым-Риновым, выскочками еще более бездарными, вырыли в Сибири могилу и для адмирала Колчака, и через него для всей России. В стремлении к новаторству, они не понимали, что военное дело не есть вдохновение, а трудное ремесло, требующее знаний и долгой практики. Они ничего знать не хотели, жили фантазией, мало-мальски реального плана действий составить не умели, ставили войскам неосуществимые задачи и быстро их выматывали. <...>

Вспыльчивость, быстрая отходчивость, вообще неуравновешенность характера и чрезмерная доброта только ухудшали трагическое положение Колчака. Ему повиновались, и то не всегда, но в его способности крепко брать бразды правления не верили, и это положение красной нитью протянулось на всем крестном пути покойного адмирала, он горел желанием сделать все, но не сделал ничего за недостатком знания, умения и твердости характера. <...>

Создается впечатление, что Колчак или боялся или стыдился признаться в своем сухопутном невежестве и не только не просил помощи и опытных людей, но отталкивал ее, когда ему ее предлагали. Так, он взял с собой Будберга в поездку к армии Сахарова, но на оперативный доклад не пригласил и о предстоящих операциях с ним не разговаривал. В другой раз Будберг, по должности военный министр, предложил ему подать свое письменное мнение о стратегическом положении наших армий и возможном образе их действий. Колчак сухо ответил, что он имеет все сведения от своего начальника штаба. Это уже не обостренное самолюбие, а положительно какое-то затмение. <...>

Но и отъезд из Омска вовсе не обозначал решимости адмирала ехать в Иркутск, чтобы управлять. На предложение Совета министров ускорить переезд в Иркутск он отвечал: «Я буду разделять судьбу армии». В действительности он не был ни при армии, ни при своем правительстве, а доехав до Ново-Николаевска, остановился там и 21 ноября отдал следующий приказ: «Считаюсь с необходимостью моего пребывания при армии, доколе обстоятельства того требуют, повелеваю образовать при мне и под моим председательством Верховное совещание в составе главнокомандующего, его помощников, начальника его штаба, генерал-квартирмейстера, председателя Совета министров и министров

военного, внутренних дел, иностранных дел, путей сообщения, финансов, снабжения и продовольствия или их заместителей. На Верховное совещание возложить разработку общих указаний по управлению страной для объединения деятельности отдельных ведомостей и согласования с работой армии».

Неизвестно, кто был составитель этого замечательного документа, который устанавливал управление страной из поездов, долженствовавших передвигаться на восток по мере безостановочного отступления армии. Из министров со штабом ехали только министры путей сообщения и снабжения и заместитель от министерства внутренних дел. Как рисовалось адмиралу Колчаку управление страной при помощи совещания по телеграфу — осталось неизвестным, но ясно, что никакого управления не было и быть не могло. Совещание оказалось мертворожденным. <...>

И вот на такую-то армию рассчитывал несчастный адмирал, переставший совершенно разбираться в обстановке. Тогда мы, видевшие его ежедневно на докладах, лишь странностями его характера объясняли себе предъявлявшийся им неосуществимые требования или его необычные желания, например, оставаться в Ново-Николаевске. Теперь приходит в голову, что едва ли в то время он был вполне нормален и, возможно, что под влиянием сплошных неудач в нем произошел какой-то внутренний сдвиг, мешавший ему спокойно расценивать обстановку. Одна предвзятая идея сменялась другою: вслед за нежеланием покидать Омск он так же упорно не хотел ехать в Иркутск, не признаваясь, однако, что собственно отталкивает его от этого города, где уже находились его министры. Вернее всего, что он думал, что если не оторвется от армии, то не утратит и свою власть. При этом в его голове совершенно не укладывалось, что никак нельзя сочетать параллельного движения — его по ж.д. и армии санным путем; ему все хотелось соединить несоединимое. <...>

Кстати, о золоте. Генерал Жанен еще в Омске предлагал адмиралу взять золото под свою охрану и гарантию и вывезти его на восток. Адмирал на это предложение отвечал: «Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю». Этот без надобности слишком грубый ответ был по существу, может быть, и правилен, так как персональная и одноличная гарантия Жанена не могла почитаться достаточной. Возможно, что при том ходе событий, какой они приняли в Сибири, золото поступило бы в подвалы банков союзников и пошло бы в счет русских долгов. Но ничто не мешало Колчаку потребовать совместной гарантии союзных правительств, что золото не будет ни при каких обстоятельствах ими реквизировано. Во всяком случае, странно, что Колчак предпочитал, в крайнем случае, передачу золота

большевикам. Когда оно действительно к ним попало, то именно через золото они могли укрепить свою власть и раскинуть коммунистические сети на весь мир. Это не трудно было и тогда предвидеть, и надо было принять действительные меры, чтобы золотой запас не перешел в руки большевиков. Да только Колчак не обладал ни каплей дара предвидения и, благодаря своей импульсивности, действовал вопреки самому простому расчету. <...>

Во всяком случае, Колчак решил, что с его поездками на восток его не пропустят, надо принимать какое-то иное решение. Явилась мысль, горячим сторонником был сам Колчак, — двинуться на лошадях через Монголию со всем конвоем в 500 человек. Чехи предложили дать точные сведения их разведки — где, в каком числе можно ожидать встречи с красными.

Адмирал собрал конвой, в преданность которого себе верил безгранично, и опросил, кто желает с ним идти. За исключением нескольких человек все отказались. Разочарование страшно потрясло Колчака. Зачем только было спрашивать: конвой был на службе, приказал бы ему выступать, не вводя в соблазн, и пошли бы без разговоров.

Тогда решено было идти одним офицерским отрядом в числе 80 человек, но и от этой мысли Колчак отказался по пустячному поводу. Один из бывших при нем морских офицеров предложил, что будет более безопасно, если Колчак сядет в чешский поезд, а офицеры пойдут через Монголию; за ними одними, наверное, никто гнаться не будет. Из этого разговора Колчак вывел заключение, что все его бросают, и после долгого раздумья сказал: «Думать нечего, надо ехать». Это превратное умозаключение показывает, пожалуй, больше всего, что Колчак утратил всякую энергию и активность, почему и остановился на самом пассивном и в то же время наиболее обидном для его даже личного самолюбия решении.

Генерал Занкевич¹ сделал еще одно предложение — Колчаку переодеться солдатом и скрыться в одном из чешских эшелонов. К счастью, Колчак этим советом не воспользовался и не уподобился Керенскому. Слишком было бы позорно Верховному правителю садиться в чешский эшелон в одежде солдата. Да чехи, несомненно, выдали бы его и в таком виде, потому что с его выдачей, как увидим ниже, они покупали себе у красных право беспрепятственного следования до Байкала. Но вместе с тем, изумляет ответ, который дал адмирал Занкевичу на его предложение: «Не хочу я быть обязанным своим спасением чехам». Зачем же в таком случае он вслед за этим пересел к чехам, хотя и без переодевания солдатом? Какая-то странная непоследовательность мышления, свидетельствующая о полной потере душевного равновесия, толкавшая на принятие самого пассивного из всех возможных решения. <...>

В той же твердости своим обещаниям лежал страх адмирала Колчака, когда он, боясь связать себя словом на будущее, уклончиво телеграфировал в Париж о согласии на самоопределение Литвы, Латвии и Эстонии, а на предложение генералов Юденича и Маннергейма о помощи стотысячной финской армии в обмен на признание независимости Финляндии очень сухо ответил, что этот вопрос подлежит решению Учредительного собрания. На горе нам, Колчак умел ставить себе политические цели, но лишен был чувства осязания политических возможностей данной минуты, жил вне времени и пространства, как бы сидел в своей адмиральской каюте и строил планы, не считаясь с тем, что в это время происходит на палубе и в море. <...>

Всякий прочитавший эту книгу, вероятно, задаст себе вопрос, почему в начале я так восторженно отношусь к адмиралу Колчаку, а в дальнейшем изложении, и особенно в конце, не обинуюсь, безоговорочно признаю его одним из главных виновников Сибирской катастрофы.

Ответ очень простой. Вначале я говорю о Колчаке как о выдающемся моряке и о его благородном рыцарском характере. В порядке изложения его деятельность, как государственного человека, взвалившего на свои плечи огромное дело, которое оказалось ему не по силам и которое он бессознательно погубил. Сам он этого не видел, иначе по благородству своего характера, наверно, или за него не взялся бы, или, взявшись, отстранился бы вовремя. Но России не легче от того, что он не сознал своего бессилия, и это должно быть ясно и точно отмечено в истории, чтобы на будущее время другие действовали осмотрительнее и не уповали на чудеса, которых Колчак и Лебедев с Сахаровым и Ивановым-Риновым все время ожидали, как проигравшиеся игроки. Что толку от одних благородных порывов. Государственные интересы всегда требуют реальных и положительных результатов, а не идеологических побуждений.

Несомненно, не один Колчак повинен в случившемся в Сибири. Ответственность должны с ним разделять все его министры и особенно старшие генералы царской службы. Они обязаны были указать адмиралу на его непростительные, чудовищные ошибки по руководству армией и подать ему коллективный мотивированный совет уйти от дела, которое он вести не может. Тогда могло бы не быть ни сибирской катастрофы, ни личной трагедии адмирала Колчака².

